

Наим Омар
(реж)

19.01.05

ЧИТКА МОЗГОВ

ПОЛЗУЩИЙ ПО ЛЕЗВИЮ

в прокат выходит
футуристический триллер
«Окончательный монтаж»

Герой «Окончательного монтажа» Алан (Робин Уильямс) разгребает чужие воспоминания, но не в состоянии разобраться с собственным прошлым

Газета + 2005 + 19 января

ИГОРЬ ПОТАПОВ

Несмотря на ярлык комика, Робину Уильямсу явно хочется думать, что он рожден для трагедий. Вот его и заносит — от слезовыжимательного «Пэтча Адамса» до параноидальной «Бессонницы». С годами резиновая физиономия Уильямса все больше сжимается и морщится, придавая ему сходство с флегматичным грибом. С такой личиной хорошо играть паталогоанатомов, священников или таксидермистов: в фильме Омара Наима «Окончательный монтаж» Уильямсу досталось понемножку от каждого.

В мире, удивительно похожем на наш, то ли в будущем, то ли в параллельной реальности алчные торговцы технологиями предлагают родителям вживлять в мозг неродившегося ребенка хитроумный чип, который будет всю жизнь, вплоть до самой смерти, фиксировать все, что человек видит, слышит и делает. Позволить себе эту услугу могут только люди солидные — с деньгами и большим кланом любящих нас хлебников. Прежде всего потому, что стоимость устройства недешева, а кроме того, — из-за бессмысленности всей затеи. Считать информацию с чипа можно лишь после смерти носителя, а к тому моменту информация, как правило, ему уже не нужна. Получается, что все усилия — для родственников, друзей и знакомых: вскоре после похорон на специальной церемонии они смогут насладиться сокращенной версией жизни усопшего, нарезкой пережитых им моментов, склеенных в логическое и неустойчивое целое высококвалифицированным специалистом-монтажером.

Главный герой «Окончательного монтажа» — один из таких высоко ценящих свои услуги монтажеров, неприметный художник с повадками сотрудника погребальной конторы по имени Алан Хэкман (Робин Уильямс). Мы видим Алана в момент, когда вся его налаженная и размеренная жизнь потихоньку начинает разваливаться: перегруженная чужими грехами совесть окончательно донимает; коллеги-стервятники только и ждут, как бы подсидеть; подружка Делайла (Мира Сорвино) бросается от восхищения к осуждению и обратно; к тому же спасу нет от секты «антимонтажистов», которые от устной агитации готовы перейти к неприятным действиям. Сектанты заслуживают особого внимания, ибо олицетворяют моральные проблемы самого героя. Хорошо ли подглядывать за интимными тайнами покойных сограждан? Честно ли пред-

ставлять грешного смертного, который обманывал, обижал и предавал, сущим ангелом, вырезая из «пленки всей его жизни» неприглядные эпизоды? Является ли жизнь человека, узнавшего, что носит имплант, полноценной или же он обречен на попытки заключить себя в добровольную тюрьму, зная, что каждый его шаг фиксируется? Как насчет права на неприкосновенность личной жизни?

До поры до времени герой Робина Уильямса будет делать свое дело, пока не окажется, что, во-первых, в жизни одного из клиентов случайно затесался призрак из раннего детства самого героя; во-вторых, за пленкой с записью этой же биографии охотится харизматичный и бородатый тип по имени Флетчер (Джеймс Кавизел) — бывший коллега Алана, а ныне предводитель татуированных борцов с посмертным монтажом. И тут конец не только карьере Алана Хэкмана, но и целостности в меру герметичного авторского кино. Экзистенциальная фантастика приобретает черты триллера с элементами инцеста и психоанализа, и к добру это точно не приводит. Режиссер-дебютант (он же — автор сценария) Омар Наим стал жертвой распространенного парадокса: как снимать серьезное кино, сюжет которого основывается на фантастическом допущении, но при этом избежать обвинений в излишней фантастичности, зрелищности и потакании примитивным вкусам недоучившихся подростков? От этой ловушки не спасают ни хорошие актеры, ни блестящие идеи, ни модные трюки, построенные на совмещении традиционного цветного киноизображения с подмигиванием цифрового видео, имитирующим субъективный взгляд. Будущее в версии Омара Наима оказывается скучным и невыразительным, бедным на события и детали. Хотел снять философскую притчу, а получилась неказистая антиутопия.